

Елена Арсеньева

Замуж за русского миллионера... (Матильда и Анатолий Демидовы, Россия)

*Часть сборника
Преступления страсти.
Алчность (сборник)*

Преступления страсти. Алчность

Елена Арсеньева

Замуж за русского миллионера...
(Матильда и Анатолий
Демидовы, Россия)

«Автор»

2008

Арсеньева Е. А.

Замуж за русского миллионера... (Матильда и Анатолий Демидовы, Россия) / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2008 — (Преступления страсти. Алчность)

ISBN 978-5-699-25612-9

«Ее появления на этом балу ждали нетерпеливо. Прошел слух о новой коллекции бразильских алмазов невероятно чистой воды и баснословной ценности (общим весом почти сто каратов!), которые недавно приобрел известный богач Анатолий Демидов, чтобы сделать склаваж ...»

ISBN 978-5-699-25612-9

© Арсеньева Е. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Елена АРСЕНЬЕВА

ЗАМУЖ ЗА РУССКОГО МИЛЛИОНЕРА...

(Матильда и Анатолий Демидовы-Сан-Донато, Россия)

Ее появления на этом балу ждали нетерпеливо. Прошел слух о новой коллекции бразильских алмазов невероятно чистой воды и баснословной ценности (общим весом почти сто каратов!), которые недавно приобрел известный богач Анатолий Демидов, чтобы сделать склаваж¹ для своей жены Матильды, известной страстью к драгоценностям. Лучшие ювелиры Санкт-Петербурга перебивали друг у друга выгодный заказ, однако он так никому и не достался: Демидов нарочно поехал в Париж, который обожал, чтобы именно там был изготовлен склаваж. Потерявшие столь выгодную работу ювелиры злословили: поручить французу изделие, которое должно в точности повторить одну из знаменитых драгоценностей императорской фамилии – склаваж самой Екатерины Второй – вот уж нелепость! А впрочем, и для матушки-императрицы изготовил украшение иноземец по имени Леопольд Пфистерер, прибывший в Петербург из Вены в первых числах января 1764 года и ставший единственным мастером «Мастерской Ея Императорского Величества алмазных дел». Демидов, спасибо, не дошел до того, чтобы в Россию иноземца выписывать – просто сделал заказ в Париже. И вот работа закончена, драгоценность прибыла в Санкт-Петербург, жена Демидова получила ее и на этом балу должна была впервые предстать в новом склаваже. Что и говорить, шейка у Матильды воистину лебединая, на таких шейках только и носить баснословные бриллианты!

Бал начался, однако Демидовых никто еще не видел. Государыня Александра Федоровна, которая изволила нынче отереть слезы с глаз (мучила, мучила ее таки многолетняя связь мужа с Варенькой Нелидовой, досаждала порою до глубоких ран сердечных!), поглядывала вокруг с нетерпением, надеясь первой углядеть Матильду, но напрасно. И вдруг ветром прошелестела в танцующей, болтающей, смеющейся толпе весть: прибыли!

Глаза у царицы заблестели. Однако тут же – новый шепоток: Демидов явился один, без жены.

– Неужто пришелся не по размеру склаваж? – обменялась государыня с фрейлиной Тютчевой тонкими улыбочками, в которых лишь понимающий человек мог разглядеть изощренное ехидство. Неужели госпожа Демидова столь огорчена, что решила из-за такой малости пренебречь приглашением государя императора и его хорошим – порой даже слишком хорошим! – отношением к изящной француженке?

Тем временем Николай дал знак, и Демидов подошел к нему с поклоном.

– Простите великодушно, ваше величество, – проговорил он. – Супруга моя занемогла и вынуждена была слечь в постель...

Он не договорил – объявили о прибытии госпожи Демидовой!

– Что сие означает, сударь? – неприязненно спросил Николай, которому нравилась Матильда и не нравился ее муж (и за его несносный нрав, и просто потому, что государь недолюбливал вообще всех мужей хорошеньких женщин, возьмите вот хоть некоего Александра Пушкина...). – Шутить изволите?

А лицо Анатолия Демидова сделалось вдруг таким, что и мысли о шутках не могло возникнуть. Самая откровенная ярость выражалась на нем, самая ужасная свирепость. И адресованы столь сильные чувства были высокой изящной женщине в белом, которая в это мгновение

¹ Склаваж (от французского esclavage – рабство, неволя) – колье-ошейник с бантом или другим крупным декоративным элементом.

появилась в зале. Ее волосы по тогдашней моде были высоко подобраны, и прекрасная шея, скованная сверкающим бриллиантовым колье, привлекала все взоры.

Да, знатоки немедленно определили, что украшение в точности повторяет склаваж императрицы Екатерины. Тот же плотный хват горла, тот же шлейф-бант, прикрывающий ямочку между ключиц, который получил у французских остряков прозвище *dévoit* – ханжа, точно такое же несметное число великолепных камней...

Блеск их слепил глаза, и лишь немногие заметили то, на что сразу обратил внимание император, – ужасную бледность Матильды. Досужие глаза видели лишь, что плечи ее прикрыты шарфом, и он заслоняет склаваж сзади, поэтому не разглядишь, как сделана застежка. А для знатоков это имело особое значение, потому что искусство маскировать застежку – дело весьма хитрое и свидетельствует о мастерстве ювелира. В упомянутом склаваже императрицы Екатерины застежка была скрыта бантом. А здесь как, интересно?

Однако были в зале люди, которых явно не интересовали тонкости ювелирного ремесла.

– Сударыня... – прорычал Демидов и сделал движение рвануться к жене, но был остановлен одним взглядом императора – тем знаменитым «взглядом василиска», который навел ужас на людей и мгновенно обращал их в подобие камня. Застыл и князь, хоть трусом не был никогда, – застыл и только с ненавистью сверкал глазами на жену.

– Сударыня, – проговорил и Николай, но и лицо его, и голос, и выражение глаз при взгляде на Матильду мгновенно изменились. Он был преисполнен неподдельного участия. – Сударыня, нам сообщили, что вы нездоровы. Я, увидав вас, принял было это за шутку, но вы столь бледны... Быть может, супруг ваш прав и вам следовало бы остаться дома?

– Я больше не могу оставаться там! – выкрикнула Матильда, и многие подумали, что никогда не слышали такого ужаса в голосе женщины. – Умоляю вас, ваше величество, защитите меня, спасите меня!

Она бросилась на колени, и шарф скользнул с ее плеч. Общий вскрик изумления пронесся по залу. Нет, разумеется, возглас был вызван вовсе не тем, что застежку склаважа сзади обнаружить не удалось! Вообще о тонкостях искусства ювелирного мало кто в то мгновение думал, потому что все взоры были прикованы к обнаженным плечам Матильды. Сверканье никаких бриллиантов не могло бы скрыть красных рубцов, покрывавших их. Такие рубцы оставляет плеть, это следы ударов, нанесенных немилосердной рукой!

Нетрудно было угадать, чьей именно рукой, кто избил княгиню Матильду, и взоры собравшихся обратились к Анатолию Демидову. Все молчали, ожидая, что скажет император, а он словно онемел от потрясения и гнева.

И в наступившей тишине отчетливо прозвучал шепоток фрейлины Тютчевой:

– Ну что ж, зато она носит самые дорогие бриллианты в мире! Демидовские бриллианты! Пусть еще скажет спасибо, что ее не гноят в подвале Невьянской башни...

Императрица с трудом подавила смехок, да и многие в зале опустили головы, чтобы скрыть ухмылки, потому что острякая фрейлина невольно выразила именно ту мысль, которая явилась большинству присутствующих: мысль о том, что прекрасная, разодетая в пух и прах, украшенная бриллиантами Матильда Демидова, княгиня Сан-Дonato, спит, по пословице, в той постели, которую сама себе постелила! Виновны в ее несчастьях были только сама она да ее отец, Жером Бонапарт. И их патологическая алчность.

* * *

Что и говорить, семейство Демидовых, сыгравшее столь значительную и благотворную роль в развитии российской промышленности и известное своим баснословным состоянием, которое во многом расходовалось на цели благотворительные, на меценатство, наживало то состояние отнюдь не трудами праведными. Зиждилось оно на слезах, на кровавом поте без-

вестно канувших в небытие и жестоко угнетаемых рабочих. Впрочем, не нами сказано, что в основе каждого крупного состояния лежит преступление! И неважно, грабеж ли это на большой дороге или в открытом море, либо беспощадное наживание каждодневной копейки на соляных коях, на рудниках, в каменоломнях.

Многие завистливо уверяли, что сам черт Демидовым деньгу чеканит. Они были необыкновенно удачливы и оборотисты, и, очень может статься, старший из Демидовых, Никита, и впрямь душу нечистому продал, чтобы и он сам, и потомство его ни в чем не ведало неудач, чтобы бесова спорина вела их по жизни и помогала богатеть, богатеть, богатеть.

Родоначальник династии, Демид Антуфьев, был с 1672 года кузнецом при Тульском оружейном заводе и ничем особым не прославился, кроме того, что родил сына по имени Никита Демидович: он-то и стал основателем демидовского состояния. В то время Россия вступила в Северную войну с Карлом XII, шведским королем. Искусно изготовленные Демидовым образцы ружей понравились Петру, и император сделал тульского мастера поставщиком оружия для всего русского войска. Демидов показал себя надежным поставщиком, ну а ружья его были значительно дешевле заграничных, хоть и одинакового с ними качества. Желая наградить его, Петр в 1701 году приказал отмежевать в собственность Демидова лежавшие около Тулы стрелецкие земли, а для добывания угля дать ему участок в Щегловской засеке. Спустя год Демидову были отданы Верхотурские железные заводы, устроенные на реке Невье еще при Алексее Михайловиче. Правда, на Никиту Демидова было наложено обязательство – за устройство заводов платить казне железом в течение пяти лет. Было ему также дано право покупать для работы в заводах крепостных людей.

А еще в награду от царя в грамоте того же года Никиту наименовали Демидовым, вместо прежней фамилии – Антуфьев. Сие было великой честью, и Никита уже мысленно видел своих баснословно богатых потомков Демидовых, основы состояния которых он собственноручно заложил.

Немного погодя Петр приказал приписать к заводам Демидова две волости в Верхотурском уезде, потом Никита вновь построил четыре завода на Урале и один на Оке. Разбогатев изрядно, он стал одним из главных помощников Петра при основании Петербурга, щедро жертвуя деньгами, железом и т. д.

Акинфий Никитич Демидов, удавшийся в отца, с 1702 года управлял Невьянскими заводами. Для сбыта железных изделий с заводов он восстановил судоходный путь по Чусовой, открытый еще Ермаком и потом забытый, провел несколько дорог между заводами, основал несколько поселений по глухим местам вплоть до Кольвани, построил девять заводов и открыл знаменитые алтайские серебряные рудники, поступившие в ведение казны. Он же принимал меры для разработки асбеста (или горного льна) и распространял вместе с отцом добывание и обработку малахита и магнита.

Акинфий Никитич хотел получить в свою собственность все солеварни в России. Он предложил передать их ему, обещая повысить и без того завышенные продажные цены на соль, а взамен брался отдавать казне всю подушную подать. Предложение было отвергнуто, несмотря на то, а может быть, именно потому, что протезировал Демидову сам всесильный Бирон: и это понятно, ведь временщик делал у него громадные денежные займы. Но императрица Анна Иоанновна все же высоко ценила щедрого заводчика, а потому без колебаний подписала в 1726 году указ, по которому Акинфий Демидов и его братья вместе с потомством настоящим и будущим были возведены в потомственное дворянское достоинство по Нижнему Новгороду «с привилегией против других дворян ни в какие службы не выбирать и не употреблять».

Именно при брате Акинфия Демидова, Никите, была на Урале, в Невьянске, построена некая башня, уже вскоре ставшая знаменитой...

Удивительная у нее была конструкция! Побывав в Италии и увидав знаменитую Пизанскую башню, Никита Никитич Демидов решил построить такую же в вотчине Демидовых, на Урале.

В то время служил у Демидовых подрядчиком каменных работ некий человек по имени Яков Иванович Колоколов, который «с честью и без архитектора в византийском стиле» построил Выходо-Иерусалимскую церковь в самом центре Нижнетагильского завода. Он же стал архитектором Невьянской башни.

У Демидовых имелись и свои превосходные умельцы «каменной» кладки, способные основательно сложить стены уникальной башни из местного кирпича. Чтобы он был прочным, красную глину месили голыми ступнями, пятками, выбирая даже мельчайшие камушки, и, таким образом, получали однородную массу, которая позволяла изготавливать строительный материал без изъяна. Затем в глину добавляли яичный белок и известковую муку. После обжига каждый кирпич – он назывался «подпяточным» – проверяли на прочность следующим образом: сбрасывали с высоты, составляющей одну пятую будущей громадины. В дело шли только уцелевшие кирпичи.

До наших дней специалисты восхищаются оригинальной конструкцией балок, которые усилены железным стержнем, втопленным в тело чугуна. В то время подобного не делали нигде – только у Демидовых. Такую технологию – сочетание двух материалов – стали применять лишь в XX веке.

В основе Невьянской башни лежит каменный квадрат со стороной 9,5 метра, а высота его 57,5 метра. Вся башня состоит из четверика (четырёхугольное основание), на котором надстроено три убывающих восьмерика, украшенных узорчатыми орнаментами и чугунными решетками. На самом верху башни стоит конусообразный шатер с флагом-флюгером. На флюгере изображен дворянский герб Демидовых. Надо сказать, что этот самый флюгер весьма тяжел, но колышется от малейшего дуновения ветерка, что лишний раз подтверждает: Невьянская башня не падающая, а наклонная, именно такой была задумана и сооружена. Если бы она была склонна к падению и накренилась хоть на миллиметр – флюгер на крыше башни перестал бы вращаться. То, что башня сразу строилась как «падающая», доказывается еще и вот как: в ее стенах и сейчас можно видеть кирпичи, стесанные с одного края. Уложенные почти у основания, они намеренно клонили башню вбок.

На первом восьмигранном ярусе расположена истинная диковина – часовой механизм типа знаменитых английских курантов (Big Ben). В 1767 году они были оценены в 5000 рублей, в то время как строительство всей башни обошлось в 4207 рублей 60 копеек. Выше курантов находятся десять колоколов, которые отбивают каждую четверть часа, а восемь раз в сутки звучит мелодия.

Толщина стен в нижней части башни достигает 178 сантиметров, а вверху – 32 сантиметра.

Но это чудо архитектуры было воздвигнуто в Невьянске отнюдь не только красы и изобретательности ради.

Почему, к примеру, внизу башни такие толстые стены? Дело в том, что они двойные: между стенами был проложен ход в заводскую лабораторию. Здесь определялось качество руды и содержание в ней различных компонентов. Но на самом деле эта лаборатория служила прежде всего для определения содержания в руде серебра. Если оно обнаруживалось, то руду в глубокой тайне переплавляли для получения драгоценного металла, из которого потом чеканили фальшивые деньги.

Ходила такая легенда: однажды Акинфий Демидов, бывший частым гостем у Бирона, проигрался в карты, и когда пришло время расплачиваться с долгом, он вынул из кармана горсть новеньких серебряных монет. Императрица Анна Иоанновна, которая также находилась там, спросила: «Так чьи же это деньги, Акинфий, твои или мои?»

Демидов дипломатично ответил: «Твои, матушка, все твое, и мы все твои, и работа наша...»

Очень может быть, такой разговор и впрямь состоялся, хотя плохо верится. Иначе зачем было Демидову перед нагрянувшей ревизией открывать однажды каналы, соединяющие башню с рекой, и пускать по ним воду, чтобы затопило секретную лабораторию, и мастерские чеканные, и самих чеканщиков вместе со станками и готовыми монетами – чтобы, не дай бог, не проболтались кому, какой размах приняло на Урале фальшивомонетничество...

Богатели Демидовы, богатели с каждым поколением. А золото глаза слепит, как известно, и душу разъедает. Но не всем!

По завещанию Акинфия Никитича значительная доля его наследства предназначалась сыну его от второго брака, Никите; старшие же сыновья возбудили процесс, и по высочайшему повелению генерал-фельдмаршал Бутурлин произвел между ними равный раздел. Старший сын Акинфия, Прокофий (1710–1786), был известен своими чудачествами. Так, в 1778 году, во время царствования Екатерины Великой, он устроил в Петербурге народный праздник, который, из-за громадного количества выпитого вина, был причиной смерти пятисот человек. Както он скупил в Петербурге всю пеньку, чтобы проучить англичан, заставивших его во время пребывания в Англии заплатить непомерную цену за нужные ему товары. Однако был он человеком добрым – прежде всего оттого, что владел громадным богатством, умножать которое было ему скучно, – что делать с ним, он не знал, вот и решил прославить свое имя благотворительностью. На пожертвованные им 1 107 000 рублей был основан Московский воспитательный дом. Им же учреждено Санкт-Петербургское коммерческое училище, на которое он пожертвовал 250 000 рублей. Когда стали открываться народные училища, Прокофий Демидов дал на них 100 000 рублей. С именем его связывается также учреждение ссудной казны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.